

Исследовательская статья

УДК 299.4 294.3

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-44-54>

ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА НА ТРАДИЦИОННУЮ ОБРЯДНОСТЬ БУРЯТ ВОСТОЧНОГО ПРИСАЯНЬЯ

Доржа Михайлович Маншеев¹, Галина Петровна Дондукова²

^{1,2} Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия

¹ dorzham@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9987-4845>

² galina.dondukova11@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4390-7556>

Аннотация. В статье на основе полевых материалов рассматривается трансформация мировоззрения бурят Восточного Присяянья под влиянием буддизма. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения ценностных матриц традиционного общества этого региона, бытующих на современном этапе. Цель исследования — выявить ключевые особенности взаимодействия традиционной обрядности с более поздними верованиями у носителей этих матриц. Для достижения названной цели необходи-

мо было решить ряд задач. Прежде всего, были систематизированы современные научные представления о влиянии буддизма на традиционные верования; выделены специфические отношения буддизма, «классического» шаманизма и традиционных верований; уточнены доминирующие ценности буддизма, реинтерпретирующие наследие совмещённых с ним религиозных практик. Далее на основе анализа полевых исследований были раскрыты наиболее существенные отличия трактовок таких реинтерпретированных ценностей, выделяющие их из «традиционного» буддизма; на примерах действующих обычаев прослежено развитие процесса интеграции буддийского мировосприятия в уже существующую обрядовую культуру присаянских бурят наших дней. Методология исследования включает в себя сравнительно-исторический, сравнительно-религиоведческий и герменевтический подходы. В полевом исследовании использован метод интервью. В результате подтверждена роль буддизма как способа адаптивного переосмысления наследия традиционной культуры в свете современного кризиса ценностей, связанного в том числе с забвением традиций, потребительским отношением к окружающему миру, природе, обществу и даже к близким. Обращение к буддизму в Восточном Присяянье сегодня, как и в прошлом, становится одним из способов преодоления подобных негативных явлений. Буддизм региона не только впитал в себя верования, существовавшие на разных этапах истории этнической Бурятии, но и адаптировал их к своей вероучительной практике. Буддийское мировоззрение подобного типа соответствует принятым в современном религиоведении представлениям о вернакулярной религии. Формируя

© Маншеев Д.М., Дондукова Г.П., 2024

синкретически целостную картину мира, соответствующую местным условиям и историческому периоду, вернакулярный буддизм определяет широкий спектр действующих ценностей, идейно и практически инкорпорировавших сложившуюся веками обрядовую культуру.

Ключевые слова: Восточное Присяянье, присаянские буряты, шаманизм, буддизм, обряды, трансформация, вернакулярный буддизм

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00412-П «Экологическая этика буддизма».

Для цитирования: Маншеев Д.М., Дондукова Г.П. Влияние буддизма на традиционную обрядность бурят Восточного Присяянья // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 44–54. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-44-54>

Research article

THE INFLUENCE OF BUDDHISM ON THE TRADITIONAL RITUALS OF THE BURYATS OF THE EASTERN SAYAN REGION

Dorzha M. Mansheev¹, Galina P. Dondukova²

^{1,2} East-Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia

¹ dorzham@mail.ru

² galina.dondukova11@gmail.com

Abstract. The article, based on field materials, examines the transformation of the worldview of the Buryats of the Eastern Sayan region under the influence of Buddhism. The relevance of the study comes from the need to clarify the value matrices of the traditional society of this region nowadays. The purpose of the study is to identify the key features of the interaction of traditional rituals with later beliefs among the bearers of these values. To achieve this goal, it was necessary to solve several problems: modern scientific ideas about the influence of Buddhism on traditional beliefs were systematized; the specific relationships of Buddhism, traditional shamanism and beliefs are highlighted; the dominant values of Buddhism reinterpreting the heritage of religious practices combined with it are clarified. Further, based on the analysis of field research, the most significant differences in the interpretations of such reinterpreted values were revealed, distinguishing them from traditional Buddhism. Using examples of existing customs, the modern development of the process of integration of the Buddhist worldview into the already existing ritual culture of the Sayan Buryats is traced. The research methodology includes comparative historical and religious studies and hermeneutical approaches. The field study used the method of interview. As a result, the role of Buddhism was confirmed as a way of adaptively rethinking the heritage of traditional culture in light of the modern crisis of values, associated, among other things, with the forgetting of traditions, consumer attitudes towards the environment, nature, society and even loved ones. Turning to Buddhism in the Eastern Sayan region today, as in the past, is becoming one of the ways to overcome such negative phenomena. Buddhism in the region not only absorbed beliefs that existed at different stages of the history of ethnic Buryatia, but also adapted them to its religious practice. A Buddhist worldview of this type corresponds to the concepts of vernacular religion accepted in modern religious studies. Forming a syncretical holistic picture of the world that corresponds to local conditions and the historical period, vernacular Buddhism defines a wide range of existing values that ideologically and practically incorporate the ritual culture that has developed over centuries.

Keywords: Eastern Sayan region, Sayan Buryats, shamanism, Buddhism, rituals, transformation, vernacular Buddhism

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the RSF, within the framework of project № 19-18-00412 “Environmental Ethics of Buddhism”.

For citation: Mansheev, D. M., Dondukova, G. P. (2024) ‘The Influence of Buddhism on the Traditional Rituals of the Buryats of the Eastern Sayan Region’, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(1), pp. 44–54. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-44-54>

Введение

Проникновение буддизма в Бурятию привело к видоизменению мировоззрения бурят [Скрынникова, 2003: 128; Серебрякова, Аякова, 2021: 33]. Так, буддийская теория перерождения живых существ утвердила веру в перевоплощение человека после смерти в шести мирах в разном облики в зависимости от действий, совершаемых в прежней жизни. Безусловно, ценности буддизма — любовь, сострадание, ненасилие, нанесение вреда живым существам и природным объектам — занимают в мировоззрении бурят значительное место. В данной статье предпринята попытка изучить влияние буддизма, а именно буддийской теории перерождения живых существ на традиционную обрядность бурят Восточного Присаянья.

Восточное Присаянье находится в западной части Республики Бурятия и включает в себя Тункинский, Окинский и Закаменский районы. Население указанных районов проживает в горных котловинах Восточных Саян¹. До распространения буддизма религиозное мировоззрение присаянских бурят базировалось на шаманизме и вере в существование хозяев объектов природы, обладавших сверхъестественными способностями.

Как известно, буддизм проник в Восточное Присаянье в начале XIX в. Однако, несмотря на активную деятельность дацанов, шаманская вера преобладала среди присаянских бурят вплоть до 1925 г. [Галданова, 1987: 98]. По словам информантов², к 1919 г. буддизм утвердился в трёх улусах Тункинского ведомства — Хойто-Голе, Туране, Мондах. С 1919 г. здесь не проводились шаманские обряды³. Даже в 1990-х гг. во время возрождения буддизма и шаманизма, тункинские шаманы не проводили свои обряды в этих селах, ссылаясь на гнев местных божеств⁴.

Стремление проследить влияние буддийской теории перерождения живых существ на традиционную обрядность бурят Восточного Присаянья потребовало систематизации имеющихся в современном религиоведении наработок по вопросу совместимости традиционной обрядности бурят, шаманских и буддистских практик. Мы выдвигаем гипотезу о том,

Стремление проследить влияние буддийской теории перерождения живых существ на традиционную обрядность бурят Восточного Присаянья потребовало систематизации имеющихся в современном религиоведении наработок по вопросу совместимости традиционной обрядности бурят, шаманских и буддистских практик. Мы выдвигаем гипотезу о том,

¹ Маншеев Д.М. Традиционное хозяйство бурят Восточного Присаянья: Конец XIX – начало XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07. — Новосибирск, 2003. — С. 13.

² Список информантов: Ихинеев Л.Н. — хонгодор — 1-ый род, 1912 г.р., с. Туран Тункинского района Республики Бурятия. Полевой дневник Байкальского этнографического отряда, 2001 г.

Пунциков Б.Ф. — хонгодор, 1969 г.р., с. Хойто-гол Тункинского района Республики Бурятия. Полевой дневник Маншеева Д.М., 2022 г.

Сыренова Ш.А. — сагаантан, 1918 г.р., с. Туран Тункинского района Республики Бурятия. Полевой дневник Байкальского этнографического отряда, 2001 г.

Маншеева Г.Л. — хонгодор, 1944 г.р., с. Туран Тункинского района Республики Бурятия. Полевой дневник Байкальского этнографического отряда, 2003 г.

³ Сыренова Ш.А.

⁴ ПМА.

что в результате процесса интеграции традиционных верований бурят в буддизм происходит обогащение и трансформация буддизма без утраты его базовых ценностей — любовь и сострадание к живым существам, вера в воплощение души в новой форме в результате перерождения, зависимость состояния человека и общества от действий, совершённых в прошлой жизни. В результате возникает форма вернакулярного («домашнего») буддизма, соответствующая представлениям о нативных практиках религиозности, не сводимых к «чистому», кабинетному, представлению о ней [Primiano, 1995; Bowman, 2022; Аринин, Лютаева, Силантьева, 2023].

Методология и методы исследования. В нашей работе мы используем принцип историзма, посредством которого мы выстраиваем логику исследования: определяем время начала влияния северного буддизма на обрядность бурят Восточного Присаянья, прослеживаем трансформацию обрядности под воздействием буддизма и меняющейся конъюнктуры, выявляем, каким стал изучаемый нами предмет в условиях современных ценностных трансформаций. Для интерпретации влияния буддизма на обрядность присаянских бурят использован сравнительно-исторический и сравнительно-религиоведческий методы. Что касается материалов исследования, то нами привлекаются этнографические материалы по обрядности присаянских бурят, а также в целом бурят и монголов [Галданова, 1981; Доржигушаева, Киплюкс, 2023; Шагланова, 2002].

Классические и современные подходы к синкретическому характеру буддизма бурят

Многие современные учёные сходятся во мнении, что традиционная обрядность бурят носит в себе синкретические черты буддизма, шаманизма и дошаманских верований. Так, известный востоковед К.М. Герасимова, анализируя тибетоязычные обрядники ламаизированного культа шаманских предков, обнаружила в них пласты добуддийских верований. В итоге своего исследования она делает вывод о том,

что синкретические образы ламаистских культов ведут своё происхождение от традиционных народных верований: «Многие явления в религиозных обычаях тункинских, закаменских бурят не могут быть поняты в «рамках современного бурятского — только шаманистского или только ламаистского — материала, вне наследия духовной культуры, обычаев и обрядов, периода кочевых государств, объединявших различные народы Центральной Азии» [Герасимова, 1981: 129]. Здесь необходимо отметить, что в Тункинском, Окинском и Закаменском районах Бурятии до сих пор сохранился культ хозяев гор. Обряд почитания гор проводится старейшинами (*хадаша* — тункинское, *нютагай тавай* — закаменское) из числа сельчан, так и ламами.

Другой востоковед, Г.Р. Галданова, исследуя обряды почитания животных у бурят, выявила в обрядовой системе ламаизма культы хозяев местности (земли, гор, лесов, рек, озер, источников), личных, семейных, родовых и племенных покровителей», существовавшие в добуддийской традиционной культуре бурят. Так, в ходе исследования культа Буха-нойона тункинских бурят учёный выявила различные ипостаси божества, «в которых Буха-нойон выступает как объект культового почитания; один из ханов пантеона бурятского шаманизма; один из «хозяев местности» Тункинского района; локальное божество, наделённое функциями бога богатства, — персонаж бурятского ламаистского культа (он имеет и другое имя — Ринчен-хан), возникший в результате ламаистской ассимиляции местных шаманистских верований» [Галданова, 1981: 67].

Схожее мнение выражено и в работе Д.С. Жамсуевой «Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвящённых всеобщему благополучию и лучшему перерождению» (2022): в результате приобщения бурят к ламаизму — северной ветви буддизма «была сформирована обрядность, в которую были включены и местные обычаи вкуче с ассимилированными и переработанными шаманистскими и дошаманистскими верованиям» [Жамсуева, 2022: 723]. Исследователь обосновала утверждение о том, что обряды буддизма,

проникшие в бурятскую культуру, воспринимаются современными бурятами как признаки их исконно национальной традиции. Автор отмечает, что в настоящее время возрастает активность верующих в использовании обрядов буддизма в удовлетворении хозяйственных и повседневных нужд и потребностей, способствующих развитию представлений и верований населения [Жамсуева, 2022: 730].

В свою очередь, Л.Н. Крайнова представила читателям современную интерпретацию интеграции шаманизма в религиозные практики ламаизма, изложенную в работе первого бурятского ученого Доржи Банзарова «Чёрная магия, или шаманство монголов»⁵: «Народ, по мнению Д. Банзарова, не смог отвыкнуть от практики своих старинных традиций, и буддийские миссионеры не истребляли шаманские понятия и обряды, а заимствовали их и интегрировали в свои религиозные практики, приспособлявая под буддизм. Со временем многие шаманские традиции перешли в буддизм и с некоторыми изменениями широко распространились. Именно такие заимствования помогли сохранить многие фольклорные и традиционные особенности, существовавшие с древних времён и распространённые среди монгольских народов, что и позволило их описать и изучить исследователям середины XIX в.» [Крайнова, 2022: 25].

Исследование Ю.А. Серебряковой и Ж.А. Аяковой «Буддизм в мировоззрении и национальном характере бурят» (2021) раскрывает традиционные черты национального характера бурят: бережное отношение к природе, доброжелательное и уважительное отношение к близким и представителям иных народов и религий. По мнению авторов, буддизм повлиял на формирование новых качеств в характере бурят, — таких, как «сострадание ко всем живым существам, нравственная ответственность человека за все живое на земле» [Серебрякова, Аякова, 2021: 38–39].

Как видим, в большинстве исследований развитие обрядности бурят рассматривается как линейный процесс — от язычества к шаманизму и далее к буддизму. По мнению С.Ю. Лепехова, одной из черт философии буддизма Махаяны является значительный интеграционный потенциал, реализуемый на философском, культурном и социальном уровнях [Лепехов, 2022: 204]. По мнению исследователя, буддизм в Бурятии во многом следовал интеграционным практикам, которые были уже успешно применены в Тибете и Монголии, ассимилируя наиболее социально значимые религиозные обряды, связанные с почитанием покровителей рода, хозяев местности, традиционные календарные обряды и др. «Все эти культы и обряды находили буддийскую интерпретацию и отправлялись уже не по воле шаманских духов, олицетворявших предков и прочие сверхъестественные силы и явления, и не по шаманскому сценарию, а по буддийским правилам, которым начали следовать сами духи» [Батомункуева, 2022: 53].

Таким образом, даже беглый обзор научной литературы позволяет заключить, что к настоящему времени в научном сообществе сложился консенсус по вопросу о том, насколько совместимы традиционные верования бурят с более поздними религиозными практиками. Считается, что на традиционные черты национального менталитета бурят большое влияние наряду с буддизмом оказали шаманизм и дошаманские верования, которые были ассимилированы и успешно интегрированы в буддийские религиозные обряды. Также исследователями акцентируется внимание на характерных для обрядовой культуры бурят чертах, — таких, как бережное отношение к природе, почитание культовых мест, а с приходом буддизма — ещё и непричинение насилия всем живым существам.

Анализ научной литературы по теме исследования также показывает, что учёные-востоковеды, занимающиеся изучением

⁵ Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов. Черная вера, или шаманство у монголов и другие статьи Доржи Банзарова. — Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1891. — 168 с.

традиционной обрядности бурят, сходятся во мнении, что буддизм в Бурятии следовал интеграционным практикам, которые уже успешно применялись в Тибете и Монголии, и ассимилировал наиболее социально значимые религиозные обряды, связанные с почитанием покровителей рода, хозяев местности, традиционные календарные обряды и др. Буддизм в монгольском мире по времени развивался волнообразно и зависел от политической ситуации. Буддийская религиозная обрядность стала фактором изменения мировоззрения присаянских бурят посредством ассимиляции и видоизменения дошаманской и шаманской обрядности.

Подводя итог рассмотрению современной дискуссии по вопросу синкретического характера современного буддизма бурят, необходимо добавить, что предложенная нами стратегия рассмотрения «бурятского» буддизма в призме теории вернакулярной религии позволяет раскрыть целостную картину трансформации мировоззренческих установок, отличающих жителей Восточного Присаянья, — без того, чтобы проваливаться в «кроличью нору» споров о вероучительном статусе двое- и троюверия.

Трансформация существующих обрядов: полевые исследования

Итак, приобщение присаянских бурят к буддизму способствовало изменениям в их мировоззрении и обрядности. Приведём ряд примеров, собранных авторами данной статьи в ходе многолетних полевых исследований.

Обряды почитания предков и поклонения духам местности. Согласно полученным нами данным, обряд почитания предков *уга тахилган* в настоящее время заменил буддийский обряд почитания хозяев местности, окружающих родные *утуги* (родовые земли или усадьба, где

располагался отчий дом). Теперь обрядом руководит лама. Как правило, он принадлежит к роду, проводящему обряд почитания. Перед чтением мантр и последующим угощением хозяев (духов) местности лама объясняет родственникам содержание обряда. Он акцентирует внимание на том, что с позиции буддизма «наши предки переродились и нашли новое воплощение, обрели новую жизнь, поэтому мы будем молиться хозяевам местности, которые испокон веков находятся здесь, на нашей малой родине и оберегают нас от невзгод» (собственные наблюдения Маншеева Д.М.).

Буддийские обряды проникают и в хозяйственную деятельность бурят Присаянья. В прошлом, до начала коллективизации, перед перекочёвкой на летние стойбища буряты поклонялись хозяевам местности, чтобы перекочёвка была благополучной. Так, жители улуса Хойто-Гол совершали жертвоприношение хозяину местности Шаргай-нойону возле горы Бурхан-Бабай. После уже в улусе читали сутру *Ем (Праджняпарамиту)*. Затем ламы с сутрой *Ем* в руках совершали конное *го-роо* (ритуальный обход, посолонь) вокруг зимников Хойтогола⁶. По словам Баир-ламы *Ем* — сутра заповедной мудрости, ясного постижения всех явлений как они есть⁷. На сегодняшний день нет ответа на вопрос — знали ли содержание сутры местные буряты. По-видимому, хойтогольские буряты использовали данную сутру для защиты своих земель от негативных явлений.

Перекочевав на летники, буряты Присаянья проводили обряды, связанные с циклом скотоводческого хозяйства и посвящённые небу, земле, воде и духам-хозяевам местности⁸. Буряты-буддисты устраивали обряд *обоо тахилган*, а буряты-шаманисты — обряд *тайлаган*. Буддийский обряд *обоо тахилган* базировался на молитвах и подношениях духам-божествам местности с просьбой о защите скота и рода от разного рода несчастий, о благополучии

⁶ ПМА, Сыренова Ш.А.

⁷ ПМА, Пунциков Б.Ф.

⁸ Маншеев, с. 87.

летнего сезона. Смысл шаманского обряда *тайлаган* не отличался от обряда *обоо тахилган*. Во время *тайлагана* шаман призывал главного духа-покровителя местности и просил его обеспечить пастбища хорошим травостоем, способствовать упитанности домашних животных, охранять от болезней и других бед [Шагланова, 2002: 218–220].

Однако обряды *обоо тахилган* и *тайлаган* отличались подношениями духам-божествам. Если в шаманских обрядах использовались жертвоприношения в виде умерщвлённого животного (овцы и лошади), то в буддийском обряде обходились без забоя скота, вместо этого использовали праздничную пищу: чай, изделия из молока и муки, сладости.

До проникновения буддизма в Бурятию у бурят так же, как и у других монголоязычных народов, существовал обряд жертвоприношения козла солнцу) — *һара наранай тахилга*. Этнографические материалы, собранные известным учёным Г.Р. Галдановой в Тункинском, Закаменском и Баргузинском районах Республики Бурятия содержат множество сведений о том, что козла посвящали божеству или духу огня бездетные супруги в надежде иметь потомство. После распространения буддизма в Бурятии лама, совершая обряд почитания духа огня, приносил в жертву уже фигурку козла, слепленную из масла [Галданова, 1981: 65].

Во время *тайлагана* жертвоприношение как барана, так и лошади совершали на месте проведения обряда по традиционному — животным разрывали аорту, просунув руку в прорезь на груди (центральноазиатский способ забоя скота). При этом запрещалось проливать кровь животного на землю. Для того, чтобы забить коня таким способом, требовалось шесть человек. С помощью верёвок коня укладывали на землю вверх ногами. Четыре человека удерживали веревками ноги, а пятый держал голову животного. Шестой забойщик умерщвлял коня. По словам информантов, чтобы разорвать аорту коня, нужна была очень боль-

шая сила, так как сердце коня сдавливало жилы руки и не давало возможности сжать пальцы. Поэтому забойщик должен был обладать большой физической силой. Таких людей было немного, буквально один-два на одно селение⁹. Лошадь приносили в жертву добрым божествам. Шкуру животного с головой и ногами подвешивали высоко на шесте, а кости сжигали [Галданова, 1981: 64].

Известно, что буддизм запрещает любое насилие по отношению к живым существам, так как в прошлых воплощениях любое живое существо могло быть ближайшим родственником человека. Это объясняет, почему при проведении обряда *обоо тахилган* в качестве подношений божествам использовались фигурки животных из дерева.

Традиция разбивания хребтовой кости животного для лучшего перерождения

Интересно, что в сознании современных бурят Восточного Присаянья эта практика достаточно прочно увязана с базовой ценностью буддизма — верой в перерождение живых существ, своеобразно трансформировавшей требование ненасилия. Забота хозяина о лучшем перерождении своего скота проиллюстрирована в действиях, связанных с ломанием хребтовой кости лошади или крупного рогатого скота. У присаянских бурят, как и у всех монголоязычных народов, существует обряд *һээр шаха* (ломать хребтовую кость). Очищенную от мяса позвоночную кость крупного рогатого скота (*һээр*) ломают ударом боковой стороны кулака, свободной рукой придерживая за тонкий конец этой кости. Считалось, что сломанная таким образом позвоночная кость забитого на мясо скота позволит найти ему быстрое перерождение (*мал түргэн түрэлөө олохо*). При этом, если ни один мужчина не смог сломать кость ударом руки, то кость обязательно нужно было сломать любым другим способом: ударом молотка, обухом топора.

⁹ ПМА, Ихинеев Л.Н.; Маншеев, с. 138.

Со слов информантов, буряты верили, что душа животного находится в хребтовой кости. Однако источников по традиции разбивания хребтовой кости в добуддийский период истории Бурятии нет, поэтому мы можем лишь предположить, что до распространения буддизма обряд ломания хребтовой кости означал освобождение души животного. Позже под влиянием буддизма смысл действия видоизменился и воспринимался как способ обретения для души животного лучшего воплощения.

Традиция разбивания хребтовой кости имеет связь с празднованием бурятского Нового года *Сагаалган*. В каждой семье такие кости (*Һээр*) заготавливали загодя впрок. Во время празднования гостям из числа мужчин предлагали в качестве развлечения/забавы сломать *Һээр*. Старики говорили: «Чтобы сломать *Һээр* не нужна сила, нужно умение». Победитель в соревнованиях пользуется большим уважением в деревне¹⁰.

Сегодня традиция ломания хребтовой кости переросла в международное этнокультурное спортивное состязание «Алтан Мундарга» и вошло в календарь ежегодных спортивных мероприятий Республики Бурятия. В 2014 г. молодые люди из с. Хойто-Гол, Туран и Монды провели первый международный турнир по разбиванию хребтовой кости. С того момента ежегодно растёт статус спортивного праздника, увеличивается число участников и зрителей, определен мировой рекордсмен по разбиванию хребтовой кости — Жалсып Манзаров. По словам одного из организаторов состязания, Алексея Гыргенова, состязание хотели связать с буддизмом, но после обсуждения отказались, так как среди участников соревнования были представители других верований. Тем не менее, перед началом спортивного праздника буддийского монаха просят провести обряд для благополучного свершения мероприятия. Все участники соревнования знают обря-

довое значение ломания хребтовой кости, так как эта информация каждый раз озвучивается.

Обряды подношения «белой пищи». Интересно проследить также развитие традиции подношения молока у бурят. В прошлом надоенное утром молоко, прежде, чем нести в юрту или употреблять, также непременно брызгали особой ложечкой (*сасал*) в разные стороны света и в небо, совершая жертвоприношение богам. Вслед отправляющимся в дальний путь также брызгали молоком, желая им «белой» дороги, давали отпить молоко.

С приходом буддизма, буряты Присяня также стали использовать молоко в качестве ритуальной пищи, с которой начинается праздничное подношение буддийским божествам, приём и угощение гостей. Молоко и молочную пищу выставляют перед божницей *гунгарва*, молоком встречают гостей. Этот обычай назывался *сагаалха* («побелиться», то есть отвесть угощение из «белой» пищи — молока и молочных продуктов), и был связан с проявлением уважения к божествам и гостям. По мнению информантов, молоко является лучшей пищей для божеств, а гостей защищает от злых духов и отводит зло. Считалось, что после совершения обряда *сагаалха* злые духи не могли овладеть сознанием гостей¹¹. Для исполнения обряда молоко наливают в небольшие пиалы и выставляют перед божницей или подают особо уважаемому гостю на шелковом кушаке (*хадаг*), обряд чаще всего выполняли жена хозяина или старшие дочери¹².

Новые обряды: поклонение буддийским божествам

Помимо трансформации существующих обрядов, буддизм принес обряды поклонения буддийским божествам. Так, буряты Восточного Присяня большое значение придавали божеству водной стихии *Луса*

¹⁰ Маншеев, с. 130.

¹¹ ПМА, Маншеева Г.Л.; Маншеев, с. 145.

¹² Маншеев, с. 145.

(божество буддийского пантеона Тибета), который, по глубоким убеждениям верующих, был способен оказывать влияние на количество осадков, хороший травостой, и, следовательно, на упитанность скота, который составлял основное богатство для скотовода и основу благосостояния семьи, родового коллектива в целом [Шагланова, 2002: 218]. На проводившихся в начале лета *тайлганах* и *обоо* (молениях, посвящённых хозяевам местности) присаянские буряты посредством шамана или ламы проводили обряд *Лусууд тахилга* для хорошего травостоя на пастбищах, и чтобы домашние животные, находясь под покровительством *Луса*, были ограждены от болезней и других бед¹³. Буряты Присаянья верят в использование хозяином воды *Луса* грозной силы в виде наводнений и различных болезней, связанных с водой для наказания людей, осквернивших реки, озера и другие водные объекты.

Заключение

Анализ материалов полевых исследований некоторых обрядов бурят Восточного Присаянья (поклонение предкам, духам местности; бытовые обряды, связанные с циклом скотоводческого хозяйства, например обычай ломания хребтовой кости для лучшего перерождения скота; поклонение буддийским божествам) показывает, что на современном этапе продолжается развитие исходного вектора, определившего характер проникновения буддизма в Восточное Присаянье. Собранные нами данные показывают, что при-

нятие буддизма, сформировавшее в мировоззрении бурят веру в перерождение живых существ в следующее воплощение, не только своеобразно преломили дошаманские и шаманские практики в прошлом, но и продолжают преломлять их в наши дни. Влияние на трансформацию традиционной религиозной, праздничной и бытовой обрядности можно проследить на ряде примеров. Исторически обрядовые жертвоприношения животных во многих случаях были заменены на жертвоприношения деревянных фигурок животных или подношения пищи. Однако вместе с тем сохранились обряды, которые, по мнению присаянских бурят, обеспечивают лучшее перерождение домашнего скота, — например, буддийскую реинтерпретацию получил обычай разбивать хребтовую кость *Һээр*. При этом ценность непричинения насилия встраивается в ряд представлений о способе достижения лучшего перерождения. Фактически, в настоящее время дошаманские, шаманские и буддистские обряды сосуществуют в этнической группе бурят Присаянья; часть дошаманской и шаманской обрядности «мягко» вписывается в буддистскую. Синкретизм этих верований, по нашему мнению, уместно рассматривать в призме теории вернакулярной религии: синкретический характер вернакулярного («домашнего») буддизма состоит, в том числе, в трансформации буддийской теории перерождения живых существ, сплавившей в парадоксальном единстве традиционную обрядность бурят Восточного Присаянья и ценности буддизма как мировой религии.

Список литературы:

Аринин Е.И., Лютаева М.С., Силантьева М.В. Феномен "вернакулярного": между "родными курами", архитектурной "причудливостью" и "живой религиозностью" // Вопросы философии. — 2023. — № 2. — С. 121–131. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-2-121-131>

Батомункуева С.Р. К вопросу об основаниях распространения и становления буддизма в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. — 2022. — № 4. — С. 48–56. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-4-48-56>

¹³ Маншеев, с. 101.

- Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. — Новосибирск: Наука, 1987. — 115 с.
- Галданова Г.Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 56–69.
- Герасимова К.М. Тибетоязычные обрядники ламаизированного культа шаманских предков // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 110–130.
- Доржигушаева О. В., Киплюкс А. В. Экологизация традиции завязывания зурам, хадаков и хий-морин на местах поклонения в Республике Бурятия // Новые исследования Тувы. — 2023. — № 4. — С. 328–343. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- Жамсуева Д.С. Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвященных всеобщему благополучию и лучшему перерождению // Монголоведение. — 2022. — Т. 14, № 4. — С. 721–731. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-4-721-731>
- Крайнова Л.Н. Анализ проникновения практик шаманизма в буддийские верования монголов в работе Доржи Банзарова «Черная магия, или шаманство у монголов» // Банзаровские чтения. Часть 1. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2022. — С. 24–30. <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1709-0-24-30>
- Лепехов С.Ю. Формирование религиозно-философских и логико-эпистемологических концепций буддизма Махаяны. — Улан-Удэ: Оттиск, 2022. — 376 с.
- Серебрякова Ю.А., Аякова Ж.А. Буддизм в мировоззрении и национальном характере бурят // Вестник Бурятского государственного университета. — 2021. — Т. 78, № 4. — С. 32–40. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-4-32-40>
- Скрынникова Т.Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят // Религии и идентичности в России. — Москва: Вост. лит. РАН, 2003. — С. 121–153.
- Шагланова О.А. Общесельский летний тайлган тункинских бурят // Мир Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. — С. 216–222.
- Bowman M. Vernacular Religion and Contemporary Spiritualities. Tribute to Leonard Norman Primiano (1957–2021) // *Traditiones*. — 2022. — Vol. 50, No 3. — P. 7–14. <https://doi.org/10.3986/Traditio2021500301>
- Primiano L.N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // *Western Folklore*. — 1995. — Vol. 54, No 1. — P. 37–56. <https://doi.org/10.2307/1499910>

References:

- Arinin, E. I., Lyutaeva, M. S. and Silantyeva, M. V. (2023) 'Understanding the "Vernacular": Between "Native Chickens", Architectural "Peculiarity", and "Living Religiosity"', *Voprosy Filosofii*, (2), pp. 121–131. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-2-121-131>
- Batomunkueva, S. R. (2022) 'Revisiting the Foundations for Spread and Development of Buddhism in Buryatia', *Vestnik of the Buryat State University*, 102(4), pp. 48–56. (In Russian). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-4-48-56>
- Bowman, M. (2022) 'Vernacular Religion and Contemporary Spiritualities. Tribute to Leonard Norman Primiano (1957–2021)', *Traditiones*, 50(3), pp. 7–14. <https://doi.org/10.3986/Traditio2021500301>
- Dorzgigushaeva, O. V and Kiplyuks, A. V (2023) 'Ecologization of the tradition of tying zurams, khadaks and khii-morins at places of worship in the Republic of Buryatia', *The New Research of Tuva*, (4), pp. 328–343. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- Galdanova, G. R. (1981) 'Pochitaniye zhitovnykh u buryat [Worship of animals among the Buryats]', in *Buddizm i traditsionnyye verovaniya narodov Tsentral'noy Azii* [Buddhism and traditional beliefs of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., pp. 56–69. (In Russian).
- Galdanova, G. R. (1987) *Dolamaistskiye verovaniya buryat* [Pre-Lamaist beliefs of the Buryat]. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian).

Gerasimova, K. M. (1981) 'Tibetoyazychnyye obryadniki lamaizirovannogo kul'ta shamanskikh predkov [Tibetan-speaking ritualists of the Lamaized cult of shamanic ancestors]', in *Buddizm i traditsionnyye verovaniya narodov Tsentral'noy Azii* [Buddhism and traditional beliefs of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., pp. 110–130. (In Russian).

Krainova, L. N. (2022) 'Analysis of Shamanism Entry into Buddhist Beliefs of the Mongols in the Work "Dark Magic or Shamanism in the Mongols" by Dorzhi Banzarov', in *Banzarov Readings. Part 1*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, pp. 24–30. (In Russian). <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1709-0-24-30>

Lepekhov, S. Y. (2022) *The formation of the religious-philosophical and logical-epistemological concepts of Mahāyāna Buddhism*. Irkutsk: Ottisk Publ. (In Russian).

Primiano, L. N. (1995) 'Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife', *Western Folklore*, 54(1), pp. 37–56. <https://doi.org/10.2307/1499910>

Serebryakova, Y. A. and Ayakova, Z. A. (2021) 'Buddhism in the Worldview and National Character of the Buryats', *Vestnik of the Buryat State University*, 78(4), pp. 32–40. (In Russian). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2021-4-32-40>

Shaglanova, O. A. (2002) 'Community-wide summer tailgan of the Tunka Buryats', in *World of Central Asia. Vol. I. Archeology. Ethnology*. Ulan-Ude: Publishing house of BSC SB RAS, pp. 2016–222. (In Russian).

Skrynnikova, T. D. (2003) 'Traditsionnaya kul'tura i buddizm v samoidentifikatsii buryat [Traditional culture and Buddhism in the self-identification of the Buryats]', in *Religii i identichnosti v Rossii* [Religions and Identities in Russia]. Moscow: Vost. lit. RAN Publ., pp. 121–153. (In Russian).

Zhamsueva, D. S. (2022) 'Universal Well-Being and Favorable Rebirth: Revealing Functional Purposes of Some Buryat Rites', *Mongolian Studies*, 14(4), pp. 721–731. (In Russian). <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-4-721-731>

Информация об авторах

Доржа Михайлович Маншеев — доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская д. 40В (Россия).

Галина Петровна Дондукова — PhD in Literary Studies, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник управления научных исследований Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская д. 40В (Россия).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Dorzha M. Mansheev — Doctor of history, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Culture Studies, East Siberia State University of Technology and Management, 40V Klyuchevskaya str., Ulan-Ude, Russia, 670013 (Russia)

Galina P. Dondukova — PhD in Literary Studies, PhD in Philology, Senior Researcher of the Department of Scientific Researches, East Siberia State University of Technology and Management, 40V Klyuchevskaya str., Ulan-Ude, Russia, 670013 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 13.02.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 13.02.2024.